

СТРАНИЦЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ

В конце апреля 1902 года чиновники нижегородского губернского жандармского управления, канцелярия губернатора и нижегородский полицмейстер были встревожены сообщением о возвращении в Н.Новгород из Ялты «нижегородского цехового» — Максима Горького. В глазах полиции писатель Горький не без основания являлся крупной революционной фигурой, приезд которого не мог пройти незамеченным и не вызвать новых волнений...

Во-всю заработали «канцелярии» и «департаменты». В адрес департамента полиции 28 апреля 1902 г. за подписью генерал-майора Шеманина поступило следующее секретное донесение:

«Имею честь доложить департаменту полиции, что состоящий под особым и личным надзором полиции нижегородский цеховой — литератор Алексей Максимов Пешков, 26 сего апреля из Ялтинского уезда возвратился в Н.Новгород, где пробудет несколько дней и затем выедет в назначенный ему г. Нижегородским губернатором местом жительства гор. Арзамас».

А уже 7 мая полицмейстер подполковник Таубе сообщал начальнику Нижегородского жандармского управления, что «состоящий под личным надзором полиции нижегородский цеховой Алексей Максимов Пешков (он же Горький) 5 сего мая выехал из жительства в гор. Арзамас».

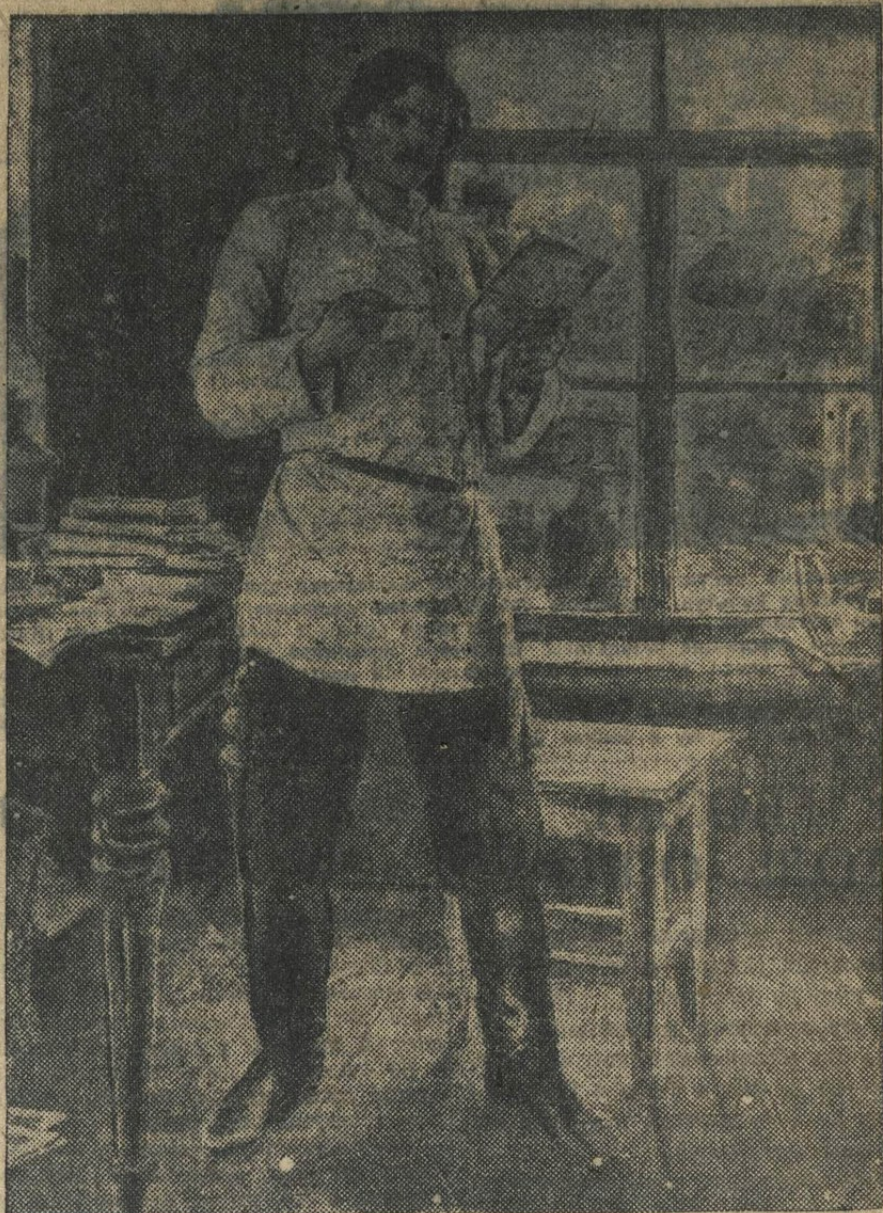
* * *

Город Арзамас на десять тысяч жителей насчитывал пять монастырей, тридцать семь церквей, а единственным средним учебным заведением была духовная семинария. Арзамасцы славилась своей классической косностью и тушостью

Не лишне привести здесь несколько примеров того, что представлял собой Арзамас в момент приезда писателя и несколько раньше.

Приехал из Курмыша в Арзамас новый учитель. Он молод, у него горячее сердце, занимается спортом... Как то после уроков идет на каток... Целый переболах происходит в городе. Учителя и учительницы в изумлении передают друг другу ошеломляющую новость: учитель катается на коньках. Инспектор гимназии говорит своим подчиненным:

— Чорт его знает! Он нас шокирует... Подумать только: катается на катке — как бесштанник какойнибудь.

Портрет Максима Горького работы художника Юдина.

В его сознании никак не укладывается мысль о том, что учитель имеет право пойти на каток... Зато он не видел ни чего предосудительного в том, что учителя шли, играли в карты, в стуколку. Книг они почти не читали, зато регулярно ходили в церковь. Начальство следило за воспитателями юношества, непокорных снимало с работы.

Горький посвятил городу несколько строк, чрезвычайно рельефно определяющих нравы и быт Арзамаса.

«Странные люди живут в этом городе. Владелец войлочного завода — человек солидный, недупый, четвертый год читает Карамзина «Историю государства Российского», дошел уже до девятого тома. — Великое сочинение, — говорит он, уважительно поглаживая переплет книги. — Царская книга. Сразу понимаешь — мастак сочинил. Зимним вечером начинаешь читать и все дела житейские забудешь. Приятно. Большое утешение человеку — книга. Ежели она с высоты разума написана.

Однажды, игра пышной бородой своей, он предложил мне с любовной улыбкой:

— Хотите интереснеее поглядеть? У меня на задворках доктор живет, а к нему на свидание барыня одна — не наша, приезжая, — ходит. Я с чердака в слуховое окно гляжу, как они забавляются; окошко у них наполовину занавешено и через верхнее стекло очень подробно видать забавы ихние. Я даже бинокль у татарина по случаю купил и кое-когда приятелей приглашаю для забавы. Очень интересное распутство...

А часовщик Корцов по прозвищу «Лягушья блоха», маленький, волосатый человек с длинными руками — шарлот и любитель красоты...

— Нигде нет таких звезд, как наши русские! — говорит он, глядя на небо крупными глазами, плоскими, как пуговицы. — И картошка русская — первая по вкусу на всей земле. Или — скажем, гармонии, лучше русских нет. Замки! Да мало ли чем можем мы нас утереть Америкам этим!» (Горький. «Городок Окуров»).

Поселился Горький в Арзамасе в доме бывш. Подсозова по Сальниковой улице

(теперь дом Гольдина, ул. К. Маркса). В письме к Вл. Ив. Немировичу-Данченко Горький пишет:

«Приставили ко мне несколько шпешеров, явные — дошли — заходят поговорить «по душе», другие прогуливаются под окнами. И их подбываю и расспрашиваю:

— Шпеш?

— Нет!

— Врешь, шпеш!

— Ей богу, нет!

— А давно служишь по этой части?

— Нет, недавно поступил.

— Ну, ступай.

Полиция здесь — глупа и нахальна. Одно-го пристава принужден был выгнать вон из квартиры».

В воспоминаниях Горького о Л. Андрееве также упоминается о соглядатаях полиции.

«Мудрое арзамасское начальство, строжайше запретив земским и другим служащим людям /посещать меня, учредило, на страх им, полицейский пост прямо под окнами моей квартиры».

«Принимают меня здесь за фальшивого монетчика, и, когда я даю нищему серебряную монету, полицейский, стоящий против окна, отбирает ее у нищего и пробует зубами» (письмо к В. И. Немировичу-Данченко).

Сейчас в Арзамасе мало осталось людей, лично знавших М. Горького. Учитель Д. М. Корнилов, Н. Н. Николаев и А. А. Богодуров — вот те люди, которые смогли нам сообщить ряд сведений о пребывании Горького в Арзамасе.

«Однажды прихожу к Храбровым, — рассказывает тов. Корнилов — встречаю меня Вера Адольфовна (жена А. М. Храброва).

— Вот кстати, у нас Алексей Максимыч!

Поздоровались. Горький приподнялся, пожал руку:

— Петков!

Сел и продолжает говорить. Рассказывал он о самарском архиерее, который доносил по начальству о том, что у него в спархит «идолов продают». Архиерей так называл маленькие гипсовые статуэтки

Зева, Венеры, Юноны и др. греческих и римских богов, продаваемые на базаре. Все, конечно, над рассказом смеялись.

Потом все поднялись, пошли в сад. Горький бежал в сад первый, уцепился за бережку, обнял ее, говорит:

— Люблю бережку, милее ее, роднее ничего не встречал.

Всех тогда Горький пленил своей простотой и искренностью. Встречая немного времени спустя после того Ф. П. Владимирского, рассказываю ему о встрече, а он и говорит:

— Да ведь он ко мне часто ходит чай пить. Приходите к нам — рады будем.

В первый же потопный день отправился я к Владимирскому. Застал там Горького, его жену — Екатерину Павловну с сыном Максимкой.

Пили чай прямо на открытом воздухе, Горький лег на траву, руки за голову закинул. Беседа была непринужденной, общей. Горький с сыном плутил, подбрасывая его в воздух. У меня случайно конфетки оказались. Спрашиваю Екатерину Павловну:

— Угостить можно?

— Конечно, можно.

Взял Максимка конфетки, спрашивает меня:

— А ты, дядя, где их взял?

— Шел сюда, на дороге, под кустом нашел...

Максимка спрашивает отца:

— А почему мы на дороге ничего не нашли?

Горький засмеялся:

— А это уж дядя такой замечательный — ты посмотри зонт у него какой.

— Взглянул я сам — действительно — ручка зонта, который я нес — представляет из себя голову оленя. Три года я зонт так таскал, никогда не подмечал, а Горький сразу заметил. Вот это наблюдательность.

Не раз потом А. М. приглашал меня заходить к нему запросто. Между прочим, уезжая из Арзамаса, он подарил мне четыре тома своих произведений:

— Только это, батенька мой, вам не ко двору.

И оказался кое в чем прав: после того «за распространение книг преступного содержания» жалованье мне убавили.

* * *

Первые впечатления от Арзамаса и положение свое в качестве «поднадзорного» Горький излагает в нескольких письмах.

«Вот я в Арзамасе. По улицам, мощеным огромными обломками каких-то серых скал *)», ходят свиньи, полицейские и обыватели; ходят медленно, имея вид сущности, совершенно лишенных каких-либо активных намерений. Уличная жизнь очень развита: обыватели бьют своих жен на тротуарах»...

О положении писателя, как поднадзорного, дают представления отрывки из письма к Н. Пятацкому.

«Пишу все о пустяках, не решаюсь писать о более серьезном, ибо, хотя здешний почтмейстер и очень любезный человек, но не внушает доверия. И вообще не верю в почтмейстеров, не потому, что теряю веру в людей, а потому, что время полное и начальствопрепачкостно злится, видимо, чувствуя свое бессилие установить в России какой-либо порядок. Уже все законы устроили вали торжества порядка, а все ничего не выходит... Как я заметил, начальство в лестном для меня интересе к моей корреспонденции, и, видимо, стремясь собрать как можно больше автографов М. Горького, некоторые мои письма — мягко говоря, — крадут. Очень рекомендую вам — никогда ни в каких письмах не отзывайтесь о начальстве без уважения, подобающего ему по заслугам его пред родиной нашей. Ибо, не удовлетворяясь современным состоянием русской

литературы, не находя ее отвечающей его, начальства, вкрясам, оно, для развлечения, занимается часто чтением частной корреспонденции, и потому всем лицам, имеющим привычку писать письма, никогда не следует употреблять по отношению к начальству таких звучных эпитетов, как «сволочь» и т. д. Не надо лыстать начальству. Чорт знает, что такое! Всякий раз, когда я касаюсь этого предмета, он, невзирая на его очевидную важность, вызывает у меня какое-то мальчишеское, глупое чувство, полагаю, совершенно нестойкое писателя, столь превознесенного, как аз, грешный. Нет во мне солидности, нет! И в начальстве чего то нет, кроме ума, сердца, чести и прочих человеческих качеств, как известно, давно уже им утраченных».

В Арзамасе Горький закончил пьесу «На дне»; доканчивал также пьесу «Мещане», писание которой было ранее прервано его арестом. «Заканчиваю пьесу «Дачники» — действующих лиц 32 человека, целый губернский город. Пока все идет прекрасно». Она была закончена, впрочем, только весной 1904 г.

«Арзамас, как я замечаю, город несомненных бездельников, а это впечатление, хотя быть может, и ошибочное, возмущает меня. наполняет мою психику бурной энергией».

Эта энергия и вылилась у высланного в заключение писателя в плодотворную писательскую работу. * * *

Прошло тридцать четыре года. До сих пор сохранился дом, в котором жил в ссылке А. М. Горький. Доска с надписью

«Здесь жил Максим Горький» отмечает этот дом.

Неузнаваемо изменился Арзамас.

Сейчас в городе нет церквей. В центральном соборе — музей. Зато в Арзамасе выросли такие учреждения, как учительский институт, педагогический техникум, рабфак, красная, советско-партийная школа, три десятилетки, колхозная школа, техникум механизации, Дом культуры, с десятком всевозможных курсов.

Арзамасская библиотека имени Горького, некогда основанная Д. М. Корниловым, А. М. Горьким и Ф. И. Владимирским насчитывает 19.953 книги, 46 передвижек, обслуживает 4790 читателей. В Арзамасе издается ежедневная газета «Арзамасская правда». Радиоузел транслирует «Евгения Онегина» из Большого театра. Молодежь во всю катается на коньках на катке «Динамо». Город насчитывает сейчас свыше 20 тыс. населения.

Камня на камне не осталось от Окурова. На смену прошлому пришло новое, молодое, растущее. И в громадном саду имени Ленина играют и резвятся счастливые дети, которые узнают о прошлом по талантливым произведениям Максима Горького.

С. ОРЛОВ.

*) «Серые скалы» — это мощные известняки геологических формаций — пермской и каменноугольной, залегающей на большом пространстве по р. Тепе в ее возвышенном берегу, на котором стоит Арзамас. Тепе повсеместно эксплуатируется.